

Вэнь Бай вышел из спорткомплекса лишь через час. Вся компания наперебой шумела, собираясь отправиться в караоке неподалёку от университета.

Вэнь Бай был настолько поглощён мыслями о том, о чём поведал У Юэ, что совсем не замечал происходящего вокруг. Задумавшись, он поневоле замедлил шаг.

Лишь когда Фан Лэмин с Чжоу Вэем обнаружили, что тот отстаёт, они оглянулись и, заметив Вэнь Баю далеко позади, поспешили к нему.

— Сяо Бай, Бай-Бай! — Фан Лэмин помахал ладонью перед его лицом. — Ты чего витаешь в облаках?

— Старый Ян с ребятами уже почти до ворот дошли.

Вэнь Бай поднял глаза на Фан Лэмина и долго молчал, пристально всматриваясь в его лицо.

О «чертовщине, творящейся со старинной картиной», У Юэ изначально даже не подозревал — профессор Ли вовсе не собирался его в это посвящать. Студент сам заподозрил неладное, обратив внимание на то, что преподаватель в последнее время с головой ушёл в разномастные сборники городских легенд да даосских быличек.

Профессор поддался на его упорные расспросы, но, сдавшись, лишь вскользь упомянул пару деталей.

Сам У Юэ толком ничего не понял, а потому и Вэнь Баю пересказал историю с пятого на десятое.

Вэнь Бай как раз ломал голову, не зная, с чего начать, когда перед ним возник Фан Лэмин.

И как он только мог о нём забыть?

— Лэмин, ты слышал что-нибудь о Чжэн Бочане?

Вэнь Бай спросил не просто так. Чжэн Бочана знали не только как страстного коллекционера антиквариата, но и как видного бизнесмена Наньчэна. А в тусовке «богатых деток», к которой принадлежал Фан Лэмин, любые слухи разлетались мгновенно. Возможно, он знал то, о чём не догадывался У Юэ.

Фан Лэмин с облегчением выдохнул.

До этого Вэнь Бай молча смотрел на него — да так, что у Фан Лэмина аж мурашки по коже

побежали: он подумал, не случилось ли чего страшного.

Услышав наконец вопрос, Лэмин кивнул:

— А, Чжэн Бочан? Это тот, который свихнулся на антиквариате?

Убедившись, что тот в теме, Вэнь Бай сразу кивнул.

— А с чего ты вдруг о нём вспомнил? — удивился Фан Лэмин.

Вэнь Бай уклончиво ответил:

— Да так, разговорились сегодня с У Юэ, вот и всплыло имя.

— Слышал, он раздобыл какую-то древнюю картину? — попытался зайти с нужной стороны Вэнь Бай.

Фан Лэмин знал о дружбе Вэнь Бая с У Юэ, как и о том, что последний учился на истфаке и увлекался подобными вещами, так что ничего не заподозрил.

— Было дело, — кивнул Лэмин. — Месяцев шесть назад про это шумели. Якобы выкопал где-то настоящий шедевр.

Он цокнул языком:

— Поговаривают, оригинал, без дураков.

Сам Фан Лэмин к живописи был равнодушен, но прекрасно понимал цену раритетам: пусть он и не разбирался в художественной ценности, зато хорошо знал, что иной клочок бумаги может стоить дороже элитного небоскрёба. Поэтому в своё время запомнил кое-какие сплетни, а тут как раз к слову пришлось.

Порывшись в памяти, Фан Лэмин продолжил:

— Поговаривают, Чжэн Бочан сперва отвалил кучу денег экспертному бюро, чтобы оттиски и бумагу на возраст проверили. Но на этом не успокоился и пригласил авторитетного специалиста для окончательного вердикта.

Об этом У Юэ не упоминал. Вэнь Бай кивнул:

— И что потом?

— Что потом?.. — Фан Лэмин замешкался, не совсем понимая, какого ответа от него ждут, но тут его осенило, и он хлопнул себя по лбу: — Слушай! А ведь этим специалистом как раз и был твой профессор Ли!

— Угу, — подтвердил Вэнь Бай.

Его ничуть не удивляла перестраховка Чжэн Бочана. Такие коллекционеры никогда не верят продавцам на слово, пока сами всё досконально не проверят. Выложить миллионы за подделку и выставлять её как подлинник — курам на смех. Именно поэтому он и вышел на профессора Ли, съевшего собаку на биографии и творчестве автора того свитка.

Фан Лэмин, доселе не понимавший причину такого интереса, тут же занервничал:

— Постой, у профессора Ли какие-то неприятности?

— Да нет, просто... — Вэнь Бай сделал паузу. — Слышал, Чжэн Бочан собирался устроить выставку этого свитка. Думал, если получится, сходить глянуть.

— Э-э... — протянул Лэмин с сомнением.

— Что такое?

Фан Лэмин понизил голос до таинственного полусшепота:

— Слухи-то ходили, да только всё отменилось.

Вэнь Бай прищурился.

Лэмин наклонился ближе:

— Говорят, картину-то спёрли.

— Украли? — переспросил Вэнь Бай.

"Значит, во внешнем мире ходят такие слухи?"

— Ага, шумиху подняли знатную, — продолжал Фан Лэмин. — С ног сбились, ища, а когда с полицией ничего не вышло, ударились в мистику. Сейчас у них в доме кого только нет: и

даосы, и монахи... Целые паломничества устраивают. Точно не знаю, но вещь-то ценой в целое состояние, любой с ума сойдёт.

— И Чжэн Бочан лично утверждал, что её украли? — переспросил Вэнь Бай.

Фан Лэмин кивнул и с досадой добавил:

— Как по мне, сами виноваты. Раздобыл сокровище — сиди и радуйся тихонько, на кой чёрт на всеобщее обозрение выставять? Слыхом не слыхивали, что богатством не бахвалятся?

Вэнь Бай лишь качнул головой.

Тут он, конечно, напрасно грешил на Чжэн Бочана.

Свиток действительно пропал, вот только его никто не крал.

И если уж на то пошло, Чжэн Бочан с радостью согласился бы на банальное ограбление. Ограбление — дело людское, а вот то, что произошло на самом деле...

Шедший всё это время молча рядом с Вэнь Баем Чжоу Вэй вдруг вставил:

— Эх, Лэмин, не соображаешь ты ничего!

— Такие коллекционеры делятся на три категории. Первые передают находки в музеи, то есть отдают государству. Вторые, как ты и сказал, прячут в сейфы и передают по наследству. А третьи... — Чжоу Вэй со знающим видом кивнул. — Третьи устраивают закрытые показы для узкого круга ценителей вроде нашего профессора Ли. Не ради хайпа или наживы, а ради высокого искусства!

Чжоу Вэй назидательно погрозил пальцем:

— Душа художника — потёмки, тебе не понять.

Фан Лэмин оценил перформанс: с натянутой улыбкой он медленно опустил его палец.

— Ну да, ну да. Вот только вместо «душевных ценителей искусства» у них теперь полный дом заклинателей да даосских мастеров.

Чжоу Вэй потерял дар речи.

Вэнь Бай тоже не нашёл, что возразить.

— Эй, не отставайте! Старый Ян зовёт меня в главную колонну! — крикнул Фан Лэмин и убежал вперёд.

Едва тот отдалился, Чжоу Вэй тут же спросил под сурдинку:

— С картиной всё-таки чертовщина какая-то?

Ещё при упоминании монахов и даосов он обо всём догадался.

Вэнь Бай взглянул на своего, в каком-то смысле, «коллегу» по оккультным делам и скрывать ничего не стал:

— Да. Изображение исчезло.

Месяц назад Чжэн Бочан завершил все приготовления: картину оправили, натянули на шёлк, вставили под стекло, настроили микроклимат в зале, разослали приглашения и назначили дату.

Но аккурат накануне открытия случилась катастрофа.

Картина пропала.

Не в смысле, что украли холст — нет, само изображение испарилось без следа, оставив лишь пожелтевшую от времени пустую бумагу.

Чжоу Вэй-то сначала думал, что история похожа на его случай: мол, спёрли вещь, просто вор оказался призраком, вот полиция и бессильна.

Но от слов Вэнь Бая он аж встал как вкопанный:

— Это... Это что, «Рисованная кожа»?!

Вэнь Бай не удержался от смешка и щелкнул его по лбу:

— Какая ещё «Рисованная кожа»? Поменьше сериалов смотри.

Шутка не рассеяла страхов Чжоу Вэя. Задумавшись, он серьёзно предупредил:

— Я не шучу. Если тут замешана нечисть, надо срочно доложить в Преисподнюю, пока беды не случилось. Потом поздно будет.

— Думаешь, это в ведении Преисподней? — с сомнением спросил Вэнь Бай.

Чжоу Вэй и сам толком не знал полномочий потустороннего ведомства, но, помедлив, убеждённо отрезал:

— В любом случае, это точно не забота смертных.

Вэнь Бай мысленно согласился.

Разобравшись с университетскими делами и вернувшись домой, Вэнь Бай набрал номер Дитина.

— Картина ожила? — без прелюдий спросил Дитин.

Помявшись немного, Вэнь Бай подробно изложил всё, что узнал.

Выслушав рассказ, собеседник лишь усмехнулся:

— Угу.

Вэнь Баю померещилось в этом «угу» снисходительное «и это всё?».

— Разве... это не странно? — не выдержал он.

— Смотря с какой стороны посмотреть, — донёсся спокойный ответ.

— С точки зрения живых людей, — уточнил Вэнь Бай.

— Ну, тогда конечно, событие из ряда вон.

Вэнь Бай лишился дара речи.

Дитин перестал паясничать:

— Одушевление предметов или превращение старинных вещей в духов — дело обычное. Твой Маленький лотосовый фонарь — из той же породы.

Вэнь Бай едва об этом не забыл.

Но ведь случай с фонариком отличался от истории с картиной!

— Разве духовную суть ему даровал не Лу Чжэн?

Фонарик сам рассказывал, что до встречи с Лу Чжэном ничего не помнил: ни как попал на Жёлтые источники, ни как его прибило к берегу. Всю эту историю ему потом уже Дитин пересказал.

— И да, и нет, — ответил Дитин.

Вэнь Бай недоуменно молчал.

— Вырастил его Лу Чжэн, — добавил тот.

Это лишь добавило вопросов.

Что значит «вырастил»?

Если Лу Чжэн вдохнул в него разум, разве он не является и его создателем?

Однако Дитин явно не собирался вдаваться в подробности и перевёл тему:

— Что за сюжет на том свитке? Люди?

— Да, — подтвердил Вэнь Бай. — «Рисунок ребенка, ведущего быка» кисти Чжу Фу.

— А, Чжу Фу... — протянул Дитин.

Вэнь Бай опешил.

"Что за тон? Будто он говорит о каком-то старом знакомом!"

Хоть предположение и казалось диким, Вэнь Бай всё же спросил:

— Только не говори, что ты знал его лично.

Дитин хмыкнул:

— А что в этом удивительного?

Вэнь Бай потерял дар речи.

"Так реально знал..."

Впрочем, пораскинув мозгами, Вэнь Бай понял: Дитин прожил на свете не одну сотню лет, насмотрелся на смену династий и на круговорот людских жизней. Рано или поздно любой смертный отправляется в Преисподнюю, проходит перед его взором — так что ничего невероятного тут нет.

Но одно дело — древнее божество, а другое — обычный человек.

Любой живой смертный от подобных откровений у виска бы покрутил.

— Дети у него получались неплохо, а в остальном — ничего особенного, — буднично заметил Дитин.

— Счастье твоё, что ты это мне говоришь, а не искусствоведам, — покачал головой Вэнь Бай.

— Это ещё почему?

— Быстро бы научили уму-разуму.

Дитин промолчал.

А вот Вэнь Бай окончательно убедился, что тот не лжёт. В исторических хрониках так и писали: «Старец из полуразрушенной хижины превосходил всех в изображении крестьянских детей».

Чжу Фу долго жил отшельником в горах, срубил себе скромную хижину и прозвал себя Старцем из полуразрушенной хижины — это прозвище знали куда лучше его настоящего имени.

Если опустить официальные летописи, в городских байках его описывали не иначе как «упрямого старикашку с причудами». Он категорически отказывался следовать моде: пока все писали пейзажи да цветы с птицами, он рисовал исключительно пахоту да сев.

Сам ни разу не женился и детей не имел, но детвору на деревенских лугах изображал с поразительной теплотой.

— «Рисунок ребенка, ведущего быка»... — задумчиво протянул Дитин. — И кто сбежал? Ребёнок или бык?

— Никто не сбежал, — вздохнул Вэнь Бай. — Просто изображение пропало.

Будь на картине абстрактный пейзаж, Чжэн Бочан так бы не дёргался. Но там-то нарисованы живые существа! Представить только: спишь ты ночью, а из рамы вылезает пацан с быком. Пусть даже они пальцем тебя не тронут — одна мысль об этом сведёт с ума.

Немного подумав, Вэнь Бай спросил:

— Так это входит в компетенцию Преисподней?

Раз уж Дитин упомянул об одушевлённых предметах и духах вещей, оставалось понять, чья это парафия.

Дитин ничего не ответил — в динамике раздался щелчок поворачиваемого ключа в замке.

И лишь затем донёлся его голос:

— Тут спрашивают: относится ли это к ведению Преисподней?

Обращался он явно не к Вэнь Баю.

А в следующее мгновение из трубки раздался глубокий голос Лу Чжэна:

— Ты где?

Вэнь Бай не успел сообразить, как трубку перехватил Лу Чжэн, и на автомате ответил:

— Я пока точно не знаю, у меня есть только телефон владельца. Если надо ехать, могу выпросить адрес...

Лу Чжэн сделал паузу и сухо перебил:

— Я про тебя спрашиваю.

— ... Дома.

— Завтра утром жду тебя у себя.

— А?

— Что «а»? — строго проворчал Лу Чжэн. — Я начальник, ты подчинённый. Мне самому за тобой ехать, что ли?

Вэнь Бай не нашёл, что сказать.

Он совсем не это имел в виду — просто закрутился и забыл, что вообще-то числится на службе у Преисподней.

— Понял, — тихо отозвался он.

Судя по тону Лу Чжэна, тот собирался взяться за это дело. Значит, Вэнь Баю следовало заранее списаться с владельцем свитка. Беспокоить людей поздно вечером не хотелось, поэтому он поспешно бросил: «До завтра, босс!» — и отсоединился.

Лу Чжэн смотрел на замолчавший телефон.

Заметив, как в одно мгновение мрачнеет лицо Владыки Лу, Дитин даже искренне удивился.

Учитывая кроткий нрав Вэнь Бая, что такого он мог ляпнуть, чтобы довести Лу Чжэна до подобной мины?

Сдерживать любопытство долго Дитин не смог:

— И что он сказал?

Лу Чжэн лишь одарил его тяжёлым взглядом, молча швырнул смартфон и шагнул прочь.

— Эй! — Дитин едва успел ловко подхватить несчастный гаджет.

Глянул на экран — вызов уже скинут.

Из десяти минут разговора добротную девятку наболтал сам Дитин. Получается, эти двое перекинулись всего парой обрывочных фраз.

Дитин не торопясь поднял глаза и лукаво усмехнулся.

Как оказалось, никто Лу Чжэна не обижал. Напротив — дело было в том, что кое-кто слишком быстро повесил трубку, не дав сказать главное.

<http://bllate.org/book/20643/2131336>